

«Московский текст»
в творчестве Е. Блажеевского

Иван И. Наумцев

Волгоградский государственный

социально-педагогический университет, Волгоград, Россия,

naumcev1998@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию «московского текста» в творчестве Е. Блажеевского, значимого поэта последней четверти XX в., чье творчество до сих пор является малоизученным. Цель работы – выявить специфику урбанистического пространства Москвы как ключевого элемента поэтического мира автора. Акцентируя внимание на особенностях пространственной образности в его лирике, мы предприняли попытку исследовать пространственные уровни (мир, Россия, город) и особенности их взаимодействия с эмоциональным состоянием лирического героя. Результаты показывают, что Москва в стихах Е. Блажеевского выступает многогранным топосом. Город может выступать в качестве фона для философских размышлений или раскрываться как полноценный герой стихотворения. Особое внимание уделено мотивам холода, бездомности и ночного пейзажа, которые формируют уникальный образ столицы в творчестве Е. Блажеевского. Новизна исследования заключается в изучении урбанистического хронотопа в контексте художественного пространства автора, а также в сопоставлении Москвы Е. Блажеевского (как образа, топоса и хронотопа) с традициями «московского текста» в русской литературе. Статья вносит вклад в изучение локальных текстов, расширяя понимание их роли в поэзии XX в.

Ключевые слова: Е. Блажеевский, московский текст, поэзия, лирика, локальный текст, Москва, пространство, топос, хронотоп

Для цитирования: Наумцев И.И. «Московский текст» в творчестве Е. Блажеевского // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Часть 1. С. 143–154. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-143-154

“The Moscow text” in the works of E. Blazhevsky

Ivan I. Naumtsev

*Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russia,
naumcev1998@mail.ru*

Abstract. The article deals with studying the “Moscow text” in the poetry of E. Blazhevsky, a significant poet of the last quarter of the 20th century, whose work remains little studied. The aim of the study is to identify the specifics of urban space in Moscow as a central element of the author’s poetic world. Focusing on the spatial imagery in his poetry, we have attempted to study the spatial levels (the world, Russia, the city) and the characteristics of their interaction with the emotional state of the lyrical hero. The results reveal that Moscow in E. Blazhevsky’s poems emerges as a multifaceted topos. The city may serve a backdrop for philosophical reflections or it may unfold as a full-fledged hero of the poem. Special attention is given to motifs of cold, homelessness, and nocturnal landscapes, which shape the unique image of the capital in works of E. Blazhevsky. The novelty of the research lies in the study of the urban chronotope in the context of the author’s artistic space as well as in comparing Blazhevsky’s Moscow (as an image, topos, and chronotope) with the traditions of the “Moscow text” in Russian literature. The article contributes to the study of local texts, enhancing the understanding of their role in 20th-century poetry.

Keywords: E. Blazhevsky, Moscow text, poetry, lyrics, local text, Moscow, space, topos, chronotope

For citation: Naumtsev, I.I. (2025), “ ‘The Moscow text’ in the works of E. Blazhevsky”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, part 1, pp. 143–154, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-143-154

Тема сверхтекста, обладающая метапредметной значимостью, сегодня исследуется на разных уровнях. В рамках изучения проблемы локального текста еще недавно велись острые дискуссии о существовании «московского текста». Однако работы М.П. Одесского [Одесский 1998], И.С. Веселовой [Веселова 1998], Г.С. Кнабе [Кнабе 1998], Я.О. Савиной [Савина 2024], О.С. Шуруповой [Шурупова 2011] и др., как кажется, поставили точку в этом вопросе, доказав необходимость глубокого и последовательного изучения особенностей «московского текста».

Обращение к пространственным характеристикам является наиболее частотным способом создания поэтической образности

в творчестве Е. Блажеевского. Поэт гораздо чаще своих коллег-современников использует пространственные образы в стихотворениях различных жанров: от пейзажных этюдов до философской лирики. Однако на данный момент отсутствуют научные работы, посвященные этому вопросу. Между тем изучение творчества Е. Блажеевского, поэта-традиционалиста, сформировавшего свой индивидуальный художественный стиль в эпоху господства постмодернистских идей, может способствовать более глубокому пониманию связей поэзии конца XX века с литературными традициями, активно переосмысливавшимися в то время.

В статье делается попытка проанализировать особенности художественного пространства поэта в контексте проблемы «московского текста» литературы.

Заметим, что традиционные подходы к типологизации пространственного кода не всегда применимы к творчеству исследуемого автора. Так, пространство художественного мира поэта нельзя четко разделить на духовное и реальное – часто сознание лирического героя дрейфует между этими категориями, а иногда граница между ними и вовсе стирается. Тем не менее в рамках исследования реального пространства можно выделить три явно заметных уровня:

1. Мир – наиболее масштабный хронотоп, в рамках которого могут осмысливаться образы человечества, планеты и даже вселенной. Именно на этом уровне чаще всего реальное пространство служит иллюстрацией духовного. Сопоставление мира в сознании лирического героя, его восприятия и мира как факта реальности, как правило, позволяет выявить явные несоответствия, посредством чего создается коллизия.

2. Россия (страна, СССР): на этом пространственном уровне чаще всего встречаются размышления о судьбе народа. Судьба эта, приведшая к современной Е. Блажеевскому жизни, к которой, надо сказать, поэт относился негативно, кажется ему очень печальной. Достаточно прочитать одно четверостишие из стихотворения 1989 г. «Я ждал его, как воскресенья...»:

Обратно листаются годы,
И вдруг понимаются как
Российская сущность свободы –
Распад, растворение, мрак...¹

---

¹ *Блажеевский Е.И.* Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 68.

Бескрайние широты России также осмысливаются поэтом в нетривиальном качестве. Вместо традиционного для русской литературы мотива вольности полей и степей Е. Блажеевский выбирает другой смысловой пласт: его лирический герой ощущает одиночество, боясь затеряться в этих просторах. Отсюда критические перепады температур – на этом уровне пространства либо жарко, либо, что чаще, холодно: «И пролетка стоит на холодном российском просторе», – пишет поэт в знаменитом венке сонетов «Осенняя дорога»².

3. Наконец, третий уровень реального пространства представлен внутренним устройством города. Именно этот уровень является наиболее важным для передачи авторской мысли и эмоционального состояния лирического героя. Поскольку большую часть сознательной жизни Е. Блажеевский провел в Москве, этот город, его улицы и переулки, его окрестности стали самыми частотными маркерами пространства в творчестве поэта.

Отметим, что обилие детально описанных пространственных образов в творчестве поэта может быть связано с его любовью к живописи, с умением запечатлевать местность в определенный момент времени: Е. Блажеевский унаследовал талант рисовальщика от бабушки, которую этому искусству обучал И.Е. Репин.

Наиболее ярко «московский текст» раскрывается в стихотворениях 1970-х гг. – в это время молодой поэт, переехав в Москву, испытывает множество противоречивых чувств, связанных с периодом окончательного взросления в новом и далеко не всегда приветливом для него городе. Е. Блажеевский успел побывать в разных уголках СССР, о чем свидетельствует цикл его стихов «Всесоюзная география», однако именно Москва становится в его лирике наиболее важной географической точкой: сначала поэт переезжает туда из Кировабада, а после путешествия по СССР снова возвращается в столицу, что делает это место в его творчестве особенным. Подобная риторика характерна для многих поэтов того времени. Так, например, Ю. Кублановский, высоко оценивавший поэзию Е. Блажеевского, также был неразрывно связан с этим городом – неслучайно исследователь его творчества Н.А. Котова пишет: «Это (Москва Ю. Кублановского) особая точка во вселенной, в которой сходятся воедино все векторы и лучи времени и пространства» [Котова 2007, с. 86]. Кроме того, оба поэта актуализируют в художественном пространстве Москвы мотив взросления, однако у Е. Блажеевского он практически всегда неразрывно связан с мотивом одиночества. Как правило,

---

² Там же. С. 247.

большой город ломает внутреннюю гармонию лирического героя постоянным и невыносимым шумом улиц, выступая в роли фона печальных размышлений:

И с мешаниною в мозгу,
Как на постылую работу,
Я еду к женщине в субботу
Через огромную Москву...³

Однако пространство города может преобразоваться благодаря слиянию с природными явлениями. В такие моменты почти трагичный пафос стихотворений сменяется трепетной радостью от созерцания красоты. Тем не менее попытка разделить эту радость с любимой девушкой практически всегда заканчивается неудачей («Телефонный разговор», 1976 г.):

– Любимая, и снег по всей Руси,
И город пуст, а ты лежишь в постели?!
– Ты пьян?
– Конечно, – голосом твоим...
Вокруг Москва застыла в лунном свете...
– Мы завтра обо всем поговорим
<...>
– Я голая. Мне холодно стоять.
Давай договоримся на неделе...
– Любимая, вели четверговать,
Но не могу...
– Да что ты в самом деле!
Я вешаю. Мне трудно говорить
И слушать эти шутки-прибаутки.
– Алло... Алло...
Кому же мне звонить
Из этой темной телефонной будки?

Как видно, молодой человек, влюбленный этим вечером не только в девушку, но и в целый мир, сталкивается с отрезвляющим равнодушием героини и в финале стихотворения снова остается одиноким. Интересно, что в ранних стихотворениях такая «любовь к миру» встречается неоднократно, однако довольно скоро лирический герой Е. Блажеевского оставляет попытки поделиться этими эмоциями. В связи с этим романтическая гармония становится

---

³ Там же. С. 353.

явной приметой картин уединенного созерцания ночной Москвы. Отметим, что ночное время суток является обязательным маркером внутреннего спокойствия лирического героя, так как в это время безлюдное урбанистическое пространство «облагораживается» природой, а фокус внимания переходит со зданий, машин и людей на деревья, ветер, звезды («Ночные стихи»):

Хлопнули дверью, сверкнуло стекло в темноте,
 Гаснет звезда, отражаясь на черном капоте.
 На угомон в городской беспокойной черте
 Звуки ушли по волнам человеческой плоти.
 <...>
 Зрелая ночь целиком завладела Москвой,
 Лишь запоздало спешит по Кропоткинской транспорт
 Да ветерок-бедолага приносит морской
 Шум нескончаемый – голос родного пространства.
 Это деревьям не спится в московской ночи –
 Тесен деревьям бульвара асфальтовый ворот,
 И с этажа своего, как с большой каланчи,
 Я наблюдаю уснувший в мерцании город...⁴

При этом если в прозе важными при описании пространства Москвы становятся категории вкуса и запаха: «В московских пейзажах Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина на первый план выходят такие оценочные категории, как вкус и запах...» [Селеменова 2009, с. 22], – то в поэзии Е. Блажеевского художественное пространство города приобретает реалистичный объем благодаря сочетанию визуальных и аудиальных образов. Иногда ночная Москва плавно сменяется утренней («Повесть», 1980 г.):

...Чтобы вкусить блаженную свободу,
 И радость бытия,
 И беспричинность
 Блуждания по утренней Москве...⁵

Главный всегда сохраняющийся элемент урбанистической «пейзажной лирики» – безлюдные улицы. Отметим также, что московская зима может быть как легкой и волшебной, что было показано ранее, так и суровой:

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Там же. С. 215.

Сегодня проносятся бесы
Над мокрою мостовой.
Мой город, без интереса
Расстанемся мы с тобой.
Метель окружает, свищет
С пронзительною тоской.
Незримое пепелище:
Козицкий... Страстной... Тверской...
Несбыточность кажется жалкой:
Так в десять, в пятнадцать так
Пытаются зажигалкой
Рассеять вселенский мрак.
<...>
Мне холодно в этом просторе,
Где пусто – зови, не зови –
И ложью попрала простое
Понятье добра и любви.
Мне холодно в шумной толкучке,
Где роком больна молодежь,
Где ты до горячки, до ручки
Вдоль сточной канавы дойдешь.
Где нам, захлебнувшись минутой,
Не выжить в строке и в мазке.
О, бесы, что рыщут в продутой
И полубездомной Москве!..⁶

Город становится не просто декорациями, фоном для философских размышлений, но полноценным героем, имеющим вполне определенный портрет: темный, холодный, «полубездомный». Последний эпитет характеризует Москву как живое существо. В этой связи лирический герой как бы вступает в диалог с ней, проговаривая свои чувства и объясняя их через описание столицы. Контраст «пустого простора» и «бездомности», одиночества и «толкучки» усиливается благодаря inferнальным мотивам: кажется, что холодные ветры продувают город «со всех четырех сторон»⁷, как гоголевский Петербург, а контаминация образов метели и бесов позволяет читателю уловить атмосферу страшного карнавала, запечатленную в стихотворении А.С. Пушкина «Бесы», где человек не способен противиться воле макабрической

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Гоголь Н.В. Шинель. М.: ООО «ДА!Медиа», 2014. URL: <https://www.culture.ru/books/476/shinel/read> (дата обращения: 03.12.2024).

стихий и вынужден надеяться на волю судьбы, что явно не нравится Е. Блажеевскому: «Мне холодно в шумной толкучке, / Где роком больна молодежь»⁸.

В зависимости от времени года холодная Москва может не отталкивать, но даже притягивать. В стихотворении 1996 г. «Мне не хотелось думать о делах...» лирический герой совершает прогулку к дому, где когда-то жила его возлюбленная. Не осознавая, как пришел в это место, он замечает перемены:

...Осколки кирпича,
Обугленные стены,
Экскаватор,
Прожектора,
Направленные косо,
И глухота,
Такая глухота!
Но дом,
Где ты жила,
Еще стоял...⁹

Городское пространство становится медиатором, соединяющим настоящее и прошлое героя. Примечательно также, что он бессознательно идет к мосту и только там окончательно приходит в себя:

В душе возникла радость созерцанья
При виде звезд и медленной луны,
Что освещала мартовский асфальт
И грубые
Чугунные перила
На выгнутом безлюдии моста...¹⁰

Важный в творчестве поэта топос моста выполняет лиминальную функцию: антропогенное пространство города здесь напрямую взаимодействует с рекой. Москва-река – наиболее частотный гидроним в поэзии Е. Блажеевского. Именно она символизирует в его лирике пусть «очеловеченную», но природу, которой поэту так не хватает в урбанистическом пространстве столицы. Однако мост не единственный образ с устойчивым значением. Е. Блажеевский

⁸ Блажеевский Е.И. Указ. соч. С. 31.

⁹ Там же. С. 418.

¹⁰ Там же.

наделяет отдельные части города и его инфраструктуры определенными функциями, например:

- вокзал – символ расставания (неслучайно именно образ вокзала становится центральным в стихотворении 1976 г. «Памяти бабушки», где запечатлено воспоминание о прощании на перроне);
- дорога – пространство, в рамках которого лирический герой чаще всего погружается в философские размышления и рефлексиирует (например, в «Осенней дороге» 1987 г.);
- квартира – символ ограничений, своего рода «клетка»: немаловажный факт в биографии поэта – его долгие скитания по коммунальным квартирам. В своих стихах Е. Блажеевский описывает быт (вечные шумы, беспорядки), а о самой «квартире» говорит как о чем-то не вполне нужном («Одутьловатослякотный февраль...», 1994 г.): «Квартира спит, как пыльный чемодан»¹¹. Пространство дома, квартиры в творчестве поэта очень далеко от атмосферы уюта и защищенности. Напротив, автор пишет, что ему тяжело от мысли, что «в квартирном быту для тебя не находится места»¹². Именно поэтому лирический герой часто ощущает себя скитальцем, а Москва кажется ему «бездомной».

Эти образы с устойчивыми семантическими и коннотативными свойствами в творчестве Е. Блажеевского становятся элементами урбанистического пространства. Отметим, что все они, тем не менее, являются обобщенными топосами и встречаются в границах любого города, а не только в контексте художественного осмысления Москвы.

Отметим также, что современная поэту Москва противопоставляется Москве «глухих времен». Старый город в сознании Е. Блажеевского представлен в сказочно-иронической манере: «где шелудивый кот / читал свои доклады по бумаге»¹³. Настоящая для поэта столица – это место, где его лирический герой неизменно чувствует себя лишним: «Уйдет Москва – кирпичный старожил, / В котором был я инородным телом»¹⁴. В редких случаях, когда образы урбанистического пространства употребляются в положительном контексте, речь идет о прошлом и географические координаты в этой связи заменяют или поясняют координаты временные («Те дни породили неясную смуту...», 1991 г.):

---

¹¹ Там же. С. 219.

¹² Там же. С. 243.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 424.

...Веселое время!.. Ордынка... Таганка...
 Страна отдыхала, как пьяный шахтер,
 И голубь садился на вывеску банка,
 И был безмятежен имперский шатер...¹⁵

В настоящем городское пространство, как правило, тяготит героя. Тем не менее Е. Блажеевский воспевает чувство «печальной» любви «хотя бы к этим сумеркам московским...»¹⁶.

Таким образом, исследование «московского текста» в творчестве Е. Блажеевского позволило выявить ключевые особенности поэтического осмысления города, в котором переплетаются реальное и духовное пространство. Москва в лирике автора предстает как сложный, многомерный образ, отражающий не только внешние черты столицы, но и внутренний мир лирического героя, его одиночество, тоску и попытки обрести гармонию в урбанистической среде.

Анализ пространственных уровней (мир, Россия, город) показал, что Москва у Е. Блажеевского – это часто не просто фон, а активный участник поэтического повествования, наделенный собственной эмоциональной и символической нагрузкой. Особую роль играют мотивы холода, ночи, бездомности, а также устойчивые топосы (вокзал, дорога, квартира), которые формируют уникальную семантику городского пространства.

Сопоставление с традициями «московского текста» в русской литературе позволяет говорить как о преемственности поэзии прошлого, так и о новаторстве Е. Блажеевского, который переосмысливает образ столицы через призму личного опыта и экзистенциальных переживаний.

Литература

- Веселова 1998 – *Веселова И.С.* Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы конца XVIII – начала XX в.) // Москва и «московский текст» русской культуры / отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. С. 98–118.
- Котова 2007 – *Котова Н.А.* Образ города в лирике Юрия Кублановского // Москва и «московский текст» в русской литературе XX в.: Материалы Международной научной конференции. Вып. 3. М.: МГПУ, 2007. С. 85–92.

---

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 34.

- Кнабе 1998 – *Кнабе Г.С.* Арбатская цивилизация и арбатский миф эта статья имеет-ся в виду? // Москва и «московский текст» русской культуры: сб. статей / отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. С. 137–197.
- Одесский 1998 – *Одесский М.П.* Москва – град святого Петра: столичный миф в русской литературе XIV–XVIII вв. // Москва и «московский текст» русской культуры / отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. С. 9–25.
- Савина 2024 – *Савина Я.О.* Московский и петербургский тексты русской культуры в российском литературоведении рубежа веков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 3. С. 95–102.
- Селеменова 2009 – *Селеменова Л.В.* «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.
- Шурупова 2011 – *Шурупова О.С.* Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97–102.

References

- Knabe, G.S. (1998), “Do you mean this article about the Arbat civilisation and the Arbat myth?”, in Knabe, G.S., ed., *Moskva i «moskovskii tekst» russkoi kul'tury* [Moscow and the “Moscow text” of Russian culture], RGGU, Moscow, Russia, pp. 137–197.
- Kotova, N.A. (2007), “The image of the city in Yuri Kublanovsky’s lyrics”, in *Moskva i “moskovskii tekst” v russkoi literature XX v.: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Moscow and the “Moscow text” in 20th-century Russian literature. Proceedings of the international scientific conference], iss. 3, MGPU, Moscow, Russia, pp. 85–92.
- Odesskii, M.P. (1998), “Moscow – the city of St. Peter. The capital myth in Russian literature of the 14th–18th centuries”, in Knabe, G.S., ed., *Moskva i “moskovskii tekst” russkoi kul'tury* [Moscow and the “Moscow text” of Russian culture], RGGU, Moscow, Russia, pp. 9–25.
- Savina, Ya.O. (2024), “Moscow and Petersburg texts of Russian culture in Russian literary studies at the turn of the century”, *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, iss. 3, pp. 95–102.
- Selmeneva, L.V. (2009), “The ‘Moscow text’ in the Russian literature of the twentieth century (based on the prose of the 1910–1950)”, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 2, pp. 20–27.
- Shurupova, O.S. (2011), “The Moscow text of Russian literature and its heroes”, *Russkaya rech'*, no. 1, pp. 97–102.
- Veselova, I.S. (1998), “The logic of Moscow confusion (based on Moscow “non-fairytale” prose of the late 18th – early 20th centuries)”, in Knabe, G.S., ed., *Moskva i “moskovskii tekst” russkoi kul'tury* [Moscow and the “Moscow text” of Russian culture], RGGU, Moscow, Russia, pp. 98–118.

Информация об авторе

Иван И. Наумцев, аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия; 400005, Россия, Волгоград, пр-кт имени В.И. Ленина, д. 27; naumcev1998@mail.ru

Information about the author

Ivan I. Naumtsev, postgraduate student, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia; 27, Lenin Av., Volgograd, Russia, 400005; naumcev1998@mail.ru